Себастьян

БАРРИ

Тысяча лун

Барри пишет невероятно красивым и живым языком, пульсирующим, подобно песне...

The New York Times

Большой роман

Себастьян Барри

Тысяча лун

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)-44

Барри С.

Тысяча лун / С. Барри — «Азбука-Аттикус», 2020 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-18959-1

От дважды букеровского финалиста и дважды лауреата престижной премии Costa Award, классика современной прозы, которого называли «несравненным хроникером жизни, утраченной безвозвратно» (Irish Independent), – «светоносный роман, горестный и возвышающий душу» (Library Journal), «захватывающая история мести и поисков своей идентичности» (Observer), продолжение романа «Бесконечные дни», о котором Кадзуо Исигуро, лауреат Букеровской и Нобелевской премии, высказался так: «Удивительное и неожиданное чудо… самое захватывающее повествование из всего прочитанного мною за много лет». Итак, «Тысяча лун» – это очередной эпизод саги о семействе Макналти. В «Бесконечных днях» Томас Макналти и Джон Коул наперекор судьбе спасли индейскую девочку, чье имя на языке племени лакота означает «роза», – но Томас, неспособный его выговорить, называет ее Виноной. И теперь слово предоставляется ей. «Племянница великого вождя», она «родилась в полнолуние месяца Оленя» и хорошо запомнила материнский урок – «как отбросить страх и взять храбрость у тысячи лун»… «„Бесконечные дни“ и „Тысяча лун“ равно великолепны; вместе они – одно из выдающихся достижений современной литературы» (Scotsman). Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-389-18959-1

© Барри С., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

О романе «Тысяча лун» 7
О романе «Бесконечные дни» 10
Глава первая 13
Глава вторая 16
Глава третья 20
Глава четвертая 25
Глава пятая 29
Глава шестая 32
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Себастьян Барри
Тысяча лун
Роман

Посвящается К.

Ведь иногда и остаться жить – дело мужества[1].
Сенека

Sebastian Barry
A Thousand Moons

* * *

Copyright © Sebastian Barry, 2020
All rights reserved
© Т. Боровикова, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020 Издательство Иностранка®

[1] Луций Анней Сенека, «Нравственные письма к Луцилию», Письмо LXXVIII, цит. по пер. С. А. Ошерова. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

О романе «Тысяча лун»

Никто не умеет так писать и идти на такой поэтический риск, никто так не раздвигает границы языка и границы человеческого сердца, как Себастьян Барри.
Али Смит

Увлекательная книга, но при этом трогает сердце и душу… В ней, как во всех своих лучших книгах, Барри исследует жизнь с неожиданной точки зрения, и этот взгляд свеж, как молодая луна.
The Times

Потрясающе… Безжалостно, достоверно и так красиво, что дух захватывает.
Attitude

В числе удивительных талантов Себастьяна Барри как писателя – его безграничная эмпатия к персонажам. Он влезает в шкуры людей, которых река истории вроде бы смыла без следа, он чувствует их нервами и говорит их устами… Такое внимание к жизням отдельных людей в более общей картине поколений рисует человечную и выпуклую историю ирландского народа и его опыта эмиграции.
Irish Times

Захватывающая история мести и поисков своей идентичности… Ужасает, чарует и заставляет трепетать, и все это изложено уникальной лиричной прозой Барри, одновременно легкой и предельно насыщенной смыслом… такая отличная проза – настоящее волшебство, и его язык воистину универсален.
Observer

Барри увенчан лаврами как ирландский литератор, но он также заслуживает лавров за умение сочувствовать… Экстраординарное достижение.
Sunday Independent (Ireland)

Барри потрясающе умеет описывать. Его проза плотно сплетена и, кажется, в любой момент готова соскользнуть в повествование о человеческой жестокости – до такой степени, что добрые поступки персонажей встряхивают читателя почти так же, как и злые. От страниц исходит ровный тихий свет – неожиданные истории любви и уважения людей друг к другу. Но, к несчастью, «зло… завязало этот мир такими узлами, что добро может лишь надеяться распутать хотя бы несколько нитей».
Sunday Telegraph

Барри – искусный мастер. В этой книге он пишет еще лучше, чем в предыдущих. «Бесконечные дни» и «Тысяча лун» равно великолепны; вместе они – одно из выдающихся достижений современной литературы.
Scotsman

Читая Барри, понимаешь, что он на стороне добра… Внутренняя жизнь персонажей описана так, что эта книга никогда не устареет… К середине романа Барри успел настолько околдовать меня, что мне захотелось прочитать абсолютно все его произведения.
Spectator

Может, персонажи Барри и провалились в щели меж скрижалями истории, но в щедром, всеобъемлющем воображении писателя они обретают голос. Их жизни, часто нищие, мучительные, на грани выживания, становятся героическими, словно в классической эпопее.
The New York Review of Books

Винона с ее зорким взглядом служит нам проводником не только в уничтоженное прошлое, но и в мир вечной природы.
The Wall Street Journal

Упрощенному делению на «своих» и «чужих» Барри предпочитает ситуации, неоднозначные с точки зрения морали… В этой книге он, как всегда, балансирует между лиричным повествованием и грязным, мучительным миром, который он хочет нам показать… Политика и борьба за власть, мужская жестокость и расовые проблемы в этом романе измыслены с острой интуицией и беспощадным реализмом… Оттого, что эта проза беззащитно откровенна, а ее словарь позаимствован из простой повседневной речи и народных пословиц, мы доверяем писателю, зная, что он как нельзя более бережно коснется ужасных страниц нашего коллективного прошлого, не обращая их в искусство ради искусства. Книга напоминает, насколько нужен нам этот редкий дар прирожденного рассказчика, чтобы разобраться в нашем прошлом и настоящем.
The Guardian

Атмосферная проза Барри запечатлела язык и неукротимый дух ушедшей эпохи.
The New Yorker

Барри прекрасно понимает, какие сложности таятся в его решении рассказать историю Виноны. В этом тонком, психологичном и тревожащем романе много умолчаний, много боли… Барри знает, что при такой истории жизни, как у Виноны, нельзя надеяться на искупление, но он показывает, что любовь дает по крайней мере искру надежды.
Financial Times

Кроме запоминающихся персонажей и мощной сюжетной линии, «Тысяча лун» рисует яркие образы языком ушедшей эпохи… как и в предыдущей книге о тех же героях, в этой разработаны бессмертные вопросы терпимости людей друг к другу и прав человека. Две книги вместе взятые заглядывают в самую суть мифов и идей, на которых построена эта страна… Очень заметно, что Барри любит и уважает Винону. «Тысяча лун» – искренний и хорошо написанный роман о бесстрашной самодостаточной героине, а именно таких нам очень не хватает.
Minneapolis Star-Tribune

Этот светоносный роман, горестный и возвышающий душу, принадлежит обладателю многих литературных наград, букеровскому финалисту Себастьяну Барри. Безусловно стоит прочтения.
Library Journal

Чрезвычайно поэтичная книга. Барри снова смещает сексуальные, личные и политические границы, повествуя о том, как смутные времена – вражда, беззаконие и раскол – влияют на людей, семьи и сообщества, и об отношениях тех, кто оказался по разные стороны в политическом споре.
Sunday Times

О романе «Бесконечные дни»

Удивительное и неожиданное чудо. «Бесконечные дни» – яростный и совершенный лирический вестерн, рисующий зарождение Америки. Этот рассказ от первого лица цепляет каждой строкой – самое захватывающее повествование из всего прочитанного мною за много лет.
Кадзуо Исигуро

Раскопки собственной юности и собственной неумолкающей совести… В герое Барри сочетаются пьянящая острота слова и способность изумляться миру. Эта проза настолько прекрасна, что дрожь пробирает. В голосе рассказчика-иммигранта – певучесть, несвойственная американской речи, и юмор несгибаемой молодости. Но в стране, тоже переживающей подростковый возраст, герой находит все тот же неотъемлемый человеческий парадокс, разрывающий сердце: равную неискоренимость любви и страха.
The New York Times Book Review

«Бесконечные дни» наполнены любовью к жизни и благожелательностью… Барри наделяет своего героя – жителя американского фронтира – подлинной поэтичностью… Если кто-нибудь решит подчеркнуть в «Бесконечных днях» все фразы, обладающие грубоватой, природной, деревенской красотой, придется испещрить все страницы.
Time

Себастьян Барри – несравненный хроникер жизни, утраченной безвозвратно.
Irish Independent

Барри пишет невероятно красивым и живым языком, пульсирующим, подобно песне…
The New York Times

Пограничная сага Барри – головокружительное нагромождение зверства и таящейся от всех любви; кровавое и романтичное, жестокое и музыкальное. Грубоватый, но завораживающий голос персонажа-рассказчика проводит роман от хаотичного стаккато битвы до мечтательных гимнов юности… Книга, от которой невозможно оторваться, сопоставляет ужасы истории с утешениями и радостями домашнего очага.
The Wall Street Journal

То откровенно жестокая, то донельзя простонародная… Внезапные повороты истории главного героя, Томаса, виртуозны, но при этом абсолютно естественны и правдоподобны. Книга пропитана черным юмором… Персонажи Барри, обитающие «в сей юдоли, где подстерегает ненасытная смерть», настолько живые, что у читателя захватывает дух.
The Washington Post

Мастерски сплетенная история любви, войны, искупления – один из лучших романов года. Животная жестокость, душераздирающие чувства,

умело очерченные фигуры персонажей и голос рассказчика, берущий читателя в плен, – гарантирую, вы не скоро забудете прочитанное.
Minneapolis Star Tribune

Роман Себастьяна Барри взял меня за горло первым же предложением, да так и не отпустил. Барри пишет так, как будто завтра никогда не наступит – как будто дни бесконечны. Он уверенно ориентируется в мире вымысла, одним взмахом сметает нас с ног – и мы оказываемся в плутовском романе: жанре, как нельзя более подходящем для описания жизненного пути этого героя.
Дэвид Гутерсон
(автор романа «Снег на кедрах»)

Шедевр стиля и атмосферы… Отчасти похожий на книги Кормака Маккарти и Чарльза Портиса, роман «Бесконечные дни» – нестареющий образец исторической прозы.
Booklist

Невероятно… поэтично… замечательно… Потрясающая книга о любви, о грузе вины, о долге перед семьей.
Book Riot

«Бесконечные дни» – книга, потрясающая своей откровенностью; она составлена из предложений, ошеломительно красивых и таких емких, что их трудно выбросить из головы; повествование так динамично, что невозможно оторваться. На страницах романа возникает мир в миниатюре – замкнутый на себя, укрытый от внешнего, священный; и мир пространств столь огромных и границ столь далеких, что их трудно вообразить. В целом приключенческая сага о семье Макналти – экспериментальная, вечно новая, захватывающая дух. По всей вероятности, она еще не окончена.
Guardian

Проза Барри мрачна и блистательна; всем, кто появляется на его страницах, ежеминутно грозит смерть, но даже в самых гибельных моментах есть элегантность и красота.
Library Journal

Томас, от лица которого идет повествование, воспевает красоту мира и удивляется ей; изумляется он и месту человека в мире. Себастьян Барри уравновешивает жестокие описания резни, голода и битв Гражданской войны поэтической манерой изложения и всплесками радости – Томас дивится чудесам природы и бесценному дару жизни… мучительный и прекрасный роман.
Shelf Awareness

Яростная, лиричная, берущая за душу книга – история войны и история удивительной любви… Стиль Барри, ирландского автора, приводит на ум великих американских писателей от Уолта Уитмена до Стивена Крейна и Кормака Маккарти… Лирическая проза Барри – огневая и нежная, полная жестокости и сострадания, – рисует широкую и в то же время детальную картину завоевания Америки и ее непрекращающихся поисков своего «я».
Richmond Times-Dispatch

Захватывающий роман… Все персонажи Барри – детально выписанные живые люди. Текст неизменно упруг и энергичен; предложения одно за другим выпрыгивают на читателя, полные сюрпризов.
The Bay Area Reporter

Есть романы, которые с первой же строки словно поют и с каждым словом взмывают все выше, чтобы наконец достичь обжигающей кульминации. «Бесконечные дни» – именно такая книга. В ней – величественная неизбежность лучшей прозы, несомненно историчной и при этом современной, ведь сегодня нас волнуют те же вопросы, что и героев книги. «Бесконечные дни» – совершенное творение, на сегодняшний день один из лучших романов года.
Observer

За один только потрясающий язык этот роман можно поставить выше других книг года. Эпическая по замыслу, но относительно небольшая по объему, книга Себастьяна Барри «Бесконечные дни» также подарила нам самого искусного рассказчика… Великий американский роман, который – так получилось – написан ирландцем.
The Times Literary Supplement

Назвать эту книгу современным шедевром – не преувеличение. Стиль автора нежен и экономен, как паутина паука. Повествование взбирается все выше и выше и в конце концов взрывается кульминацией, жестокой и эффектной, как удар под дых.
The Times

Феноменально… Эта книга – жизнеутверждающая в самом подлинном и истинном смысле этого слова.
Daily Mail

Эпичная книга, лиричная и удивляющая на каждом шагу… насыщенный и упоительный роман.
Independent

Глава первая

Я – Винона.

В ранние дни я звалась Оджинджинтка, что значит «роза». Томас Макналти очень старался это выговорить, но так и не смог и потому стал звать меня именем моей покойной двоюродной сестры – так было легче его губам и языку. Винона значит «перворожденная». Я не была перворожденной.

Мою мать, старшую сестру, двоюродных сестер, теток – всех убили. Они были души из племени лакота, что жило на этих старых равнинах. Я была не настолько мала, чтобы не помнить, – лет шести-семи, – но все равно не помню. Я знаю, что это случилось, так как после солдаты привезли меня в форт и я стала сиротой.

Маленькая девочка меняется много раз. Вернувшись к своему народу, я не могла с ними говорить. Помню, как сидела в типи с другими женщинами и не умела им отвечать. Тогда мне было уже лет тринадцать. Несколько дней спустя я снова обрела слова. Женщины бросились ко мне и стали обнимать, будто я только вошла. Они могли видеть меня, лишь когда я говорила по-нашему. Потом приехал Томас Макналти, чтобы забрать меня и отвезти обратно в Теннесси.

Даже если твой путь пролег через кровь и горе, потом все равно надо учиться жить. Оглядываться вокруг, узнавать, что к чему, растить или покупать всякое, по надобности.

Ближайший к нам городок в Теннесси назывался Парис. Ферма Лайджа Магана лежала милях в семи от него. С войны уже немало лет прошло, но городок все еще кишел демобилизованными северянами. Побитых южан там тоже было немало, но они вроде как таились и форму свою, цвета тыквенной кожуры, не носили. На улицах на каждом шагу попадались бродяги. И солдаты ополчения, которые гоняли бродяг.

У города была тысяча глаз, и все за мной следили. Неуютное место.

Приходя в бакалейную лавку за покупками, я должна была говорить на чистейшем английском, чтобы не приключилось недоброе. Первые английские слова я переняла от миссис Нил, еще в форте. Потом Джон Коул дал мне два учебника грамматики. Я смотрела в них долго, хорошенько смотрела.

Индейцам и так достается, а если еще говоришь, как ручной ворон, то будет совсем плохо. Белые жители Париса и сами говорили не так чтобы очень хорошо. Многие были приезжими – немцы, шведы. Еще ирландцы, вроде Томаса Макналти. Они научились английскому, только когда уже приехали в Америку.

Но раз я молодая индейская женщина, мне, надо думать, приходилось разговаривать не хуже самой императрицы. Конечно, я могла бы просто сунуть продавцу список продуктов, составленный Розали Бугеро, работницей с фермы Лайджа. Но лучше было говорить.

А иначе вот что случалось бы: меня бы били каждый раз, как я появлялась в городе. Правильная речь спасала меня от этого. Какой-нибудь оборванный батрак с фермы смотрит на тебя, видит смуглую кожу и черные волосы и думает, что имеет право сбить тебя с ног и попинать. И никто ему слова поперек не скажет. Ни шериф, ни помощник шерифа.

Избить индейца – вообще никакое не преступление.

С Джоном Коулом, несмотря что он солдат и хороший фермер, плохо обращались в городе, потому что его бабушка или еще какая-то женщина в роду была из индейского племени. И это было видать по лицу, немножко. Его даже правильный английский не спасал. Может, потому, что он был большой взрослый мужчина. Он не мог каждый раз рассчитывать на пощаду. У него было красивое лицо, так говорили люди и особенно Томас Макналти, но, наверно, горожане видели в нем индейца. Его сильно избивали, и он лежал страдающим бревном, и Томас Макналти клялся, что поедет и убьет кого-нибудь.

Но изъян Томаса Макналти заключался в его бедности. Мы все были бедны. Лайдж Маган и то был бедняк, хотя владел фермой, а мы стояли еще ниже Лайджа.

Мы были бедные, еще беднее Лайджа.

Когда бедняк что-нибудь делает, он вынужден это делать втихую. Например, если бедняк убивает, он должен это делать очень быстро и потом убегать из леса бегом, как косуля.

И еще Томас сидел в Ливенуортской тюрьме за дезертирство, поэтому при виде военной формы он дергался, хоть и говорил все время, что любит армию.

Я сама стояла ниже Розали Бугеро. Она была чернокожая и святая, вот что я вам скажу. Она выходила в лес на задах фермы Лайджа и стреляла кроликов из ружья своего брата. В славной битве с Тэком Петри – ну, для нас славной, во всяком случае, – когда он и его сообщники хотели нас ограбить и надвигались на нашу усадьбу с неумолимым намерением, Розали отличилась: она перезаряжала винтовки с небывалой скоростью, так говорил Джон Коул.

Но до войны она была рабыней, а рабы, конечно, очень низко стоят в глазах белых.

А я стояла еще ниже ее.

В глазах горожан я была лишь обгорелым угольком из индейского пожарища. Всех индейцев давно прогнали из округа Генри. Чероки. Чикасо. Люди не любят, когда уголек вдруг выскакивает обратно из костра.

В глазах Великой Тайны все души стоят наравне. Все пытаются сделать свою душу настолько тощей, чтобы она пролезла в рай. Так говорила моя мать. Все, что я помню о матери, – как кисет, в который ребенок сложил все свои сокровища и носит с собой. Когда Смерть касается такой любви, в сердце вырастает что-то еще глубже Смерти. Моя мать вечно суетилась вокруг нас – меня и сестры. Она все время хотела знать, как быстро мы бегаем, как высоко прыгаем, и без устали твердила, какие мы красивые. А мы были просто маленькие девочки – там, далеко, на равнине, под звездами.

Томас Макналти иногда говорил, что я хорошенькая, как разные вещи, которые казались ему хорошенькими, – розы, птички и прочее. Он говорил как мать, потому что у меня тогда уже не было матери. Мне было странно, что раньше, когда он был солдатом, он убил на войне много моих сородичей. Может, даже кого-нибудь из моей семьи убил. Он сам не знал.

«Я была слишком маленькая и ничего не помню», – обычно отвечала я на это. На самом деле нет, но разницы все равно никакой.

Когда-то мне было очень странно слушать его рассказы про это. У меня внутри, в середине тела, загорался огонь. У меня был собственный пистолетик с перламутровой ручкой – поэт Максуини подарил, еще в Гранд-Рапидс. Я могла бы застрелить Томаса. Иногда мне думалось, что я должна кого-нибудь застрелить. Конечно, я убила одного из людей Тэка Петри – не во время славной битвы, а в другой раз, когда они напали на нас на дороге. Я ему выстрелила прямо в грудь. И он тоже в меня выстрелил, но не ранил, только синяк остался.

Но у меня тоже была рана. Я была потерянным ребенком. Дело в том, что это они меня исцелили, Томас Макналти и Джон Коул. Наверно, они делали все, что в их силах. Значит, они и нанесли мне рану, и исцелили ее, а это само по себе непреложный факт.

Наверно, у меня не было выбора. Когда у тебя отбирают мать, ее уже не догонишь. Не закричишь «Подожди меня!», когда ветер становится ледяным под волчьей луной и мать ушла далеко вперед в поисках хвороста.

В общем, Томас Макналти спас меня дважды. Во второй раз, когда он бежал через поле битвы и тащил меня за собой, одетую мальчишкой-барабанщиком (так получилось), Старлинг Карлтон хотел меня убить прямо там. Мы на него наскочили. Он махал саблей и кричал. Он сказал, что всех индейцев надо убить, таков приказ майора и он собирается его выполнить. И Томасу Макналти пришлось убить его самого. Томаса это очень опечалило. Они долго служили вместе.

Все это мне запомнилось отчетливо.

В детстве я часто плакала нипочему. Я ускользала от всех и находила укромный уголок. Там выпускала на волю слезы, и у меня в глазах было так темно, словно я ослепла. Джон Коул шел меня искать. И он понимал, что надо просто обнять меня и не спрашивать о том, для чего у меня не было слов – ни на английском, ни на языке лакота.

Джон Коул. Он часто выражал свою любовь делами. Он дал мне те учебники грамматики, как я уже сказала, и стал меня учить, хотя сам был не очень учен. Он меня научил не только письму, но и счету.

Когда Лайдж Маган решил, что я готова, он пошел к своему другу, законнику Бриско, и спросил насчет работы. И я долго работала у Бриско, переписывала бумаги и вела счета. Я очень гордилась своим делом.

У законника Бриско был большой красивый дом и сад с цветами, какие в Теннесси не водятся, – в основном розы из Англии. Он написал книгу про свои розы, и ее напечатали в Мемфисе. Она лежала на почетном месте у него в кабинете.

Как я уже сказала, Оджинджинтка значит «роза». Не знаю, какая в точности. Может быть, потерянная роза прерий.

Не настоящая, не такая, как у Бриско в саду. То, что было розой для моего народа.

Законник Бриско заставлял меня читать его любимые книги. Я брала их домой и читала в гостиной у печки. Ветерок с луга трогал и трогал страницы. То были приятные вечера, когда нечего делать, только слушать, как Теннисон Бугеро, любимый брат Розали, поет старинные песни. Я погружалась в раздумья. Раздумья, навеваемые книгами.

Конечно, это все было до того, как появился Джас Джонски. Мальчишка, не прочитавший в жизни ни одной книги, как я теперь понимаю. Он и письмо едва мог написать.

Все это было, сдается мне, в тысяча восемьсот семидесятых, после войны и после того, как Томас вернулся из тюрьмы. Может, даже в тот год, когда убили генерала Кастера. А может, прямо перед тем.

Но все годы пролетели или прошли. Как пони, что бегут по бесконечным травам прерий.

Глава вторая

Джас Джонски был приказчиком в бакалейной лавке. Лавка принадлежала унылому привидению, которое звалось мистер Хикс. Впервые придя туда, я поняла, что нравлюсь Джасу.

– Ты дочка Джона Коула, – сказал он без тени страха.

– Откуда вы знаете, что я дочка Джона Коула? – спросила я. Меня напугало уже и то, что меня узнали.

Он сказал, что прошлой осенью доставил нам на ферму какие-то тяжелые припасы в фургоне, и удивился, что я не помню, – ведь тогда он сделал мне комплимент.

– А теперь ты стала еще красивее, – сказал он. Смотри, какой храбрый.

Я не знала, что ответить. В своем роде это было как нежданная засада. Я была готова обороняться. Томас Макналти говорил, что девушка должна не бояться и уметь пользоваться ножом и пистолетиком, все такое. У меня в подоле был зашит тоненький стальной ножичек на случай, если пистолет подведет. Английской стали. Томас Макналти показал, в какие места его лучше всего втыкать, если на тебя напали.

Но каждый раз, когда я приезжала в город за покупками, Джас Джонски был со мной любезен. Как будто бы теперь у меня было кому доверять в городе. Между нами что-то происходило, но я не могла подобрать этому имени. Мне казалось, это что-то хорошее. Я начала ждать следующей встречи и даже подгоняла мулов по дороге в город, что им было совсем не по душе.

Да, я явно нравилась Джасу Джонски. Он полгода отвешивал мне сахар и все прочее, а потом, когда у моей телеги отвалилось колесо, отвез меня на ферму Лайджа Магана и разговорился с Томасом Макналти. Томас такой человек, что и с самим дьяволом не отказался бы поболтать, так что Джасу не стоило труда его разговорить. Так Томас Макналти и Джон Коул начали с ним знакомство. Я никогда не видела, чтобы Джон Коул смотрел на человека с такой неприязнью.

Но Джас Джонски был то ли слеп, то ли влюблен и вроде бы не замечал. Он стал являться к нам на ферму регулярно и, когда узнал, что Томас Макналти любит дорогой сорт патоки, что возят из Нового Орлеана, стал время от времени приносить банку этой самой патоки. Джас сидел, улыбаясь и болтая, Томас совал в банку прутик и облизывал, как медведь, а Джон Коул молча кривился. Он был равнодушен к патоке, кроме самой дешевой, что мы добавляли в табак после уборки урожая. Джас Джонски сиял улыбкой, как солнце, которое никак не желает заходить, несмотря на поздний вечер.

– Мне нравится в городе, – говорил Джас Джону Коулу, – но и здесь, на природе, тоже нравится.

Джон Коул молчал.

Самое большее, что Джон Коул позволял в смысле ухаживаний, это чтобы Джас походил со мной в лесу десять минут. Нам даже за руки не разрешалось держаться. У Джаса Джонски были скромные устремления – обзавестись собственной лавкой. Еще он туманно упоминал о переезде в Нэшвилль, где у него жила родня. Несколько раз он останавливался, ставил меня перед собой и начинал с жаром объяснять, как он меня любит. Было очень приятно смотреть, как он краснеет. Совсем как в романах, когда *бурные признания вырываются из груди его*.

Потом Джас Джонски решил, что может на мне и жениться, и спросил меня. Я не знаю, сколько лет мне тогда было, но, думаю, семнадцати еще не исполнилось. Я родилась в полнолуние месяца Оленя – это все, что я знала. Джас сказал, что ему девятнадцать. Он был рыжий, с таким цветом лица, словно обгорел на солнце, – не только летом, но и круглый год.

Узнав об этом, Джон Коул тоже покраснел. Как вареный рак.

– Нет уж, милостивые государи! – сказал он.

Все-таки я работала в конторе у Бриско: необычное занятие для девушки, не говоря уж – индеанки. Думаю, Джон Коул хотел, чтобы из меня получился первый президент индейской крови.

Ну а я думала, что очень хочу замуж за Джаса Джонски. Мне само слово нравилось. Я это вроде как представляла себе. У меня была такая картинка в голове. Мы даже еще не целовались ни разу, но я представляла себе, как запрокидываю голову для поцелуя. Мы держались за руки, когда Джон Коул не видел.

Но Джон Коул был мудрый человек и видел другое. Он-то не рисовал себе картинок в розовом цвете. Он знал, каков этот мир, и что этот мир скажет, и что потом сделает. И Джон Коул был в основном прав.

Но мне было уже почти семнадцать, а может, и исполнилось семнадцать, и что я знала, ничего. Ну, кое-что знала. Где-то далеко в моей памяти скрывалась черная картина с криками и кровью, потоками крови. Мягкая бронзовая кожа сестры, теток. Иногда у меня получалось что-то вспомнить – или казалось, что получается. Может быть, я говорила, что не помню, потому что не хотела помнить – даже внутри себя. Как на нас сыпались солдаты в синих мундирах, штыки, пули, огонь и жестокое убийство душ. Не знаю. Может, я это воображаю со слов Томаса Макналти. Черная картина. Но потом – долгая и отчетливая память того, что делали для меня Томас Макналти и Джон Коул, все их могучие труды, чтобы утешить меня и дать мне кров.

Томас Макналти был не настоящей матерью, но почти настоящей. Время от времени он даже ходил в платье.

Я думала, Джас Джонски может взять на себя то, что раньше делали Джон и Томас, в смысле утешения и предоставления крова.

Он был не красавец, с этим своим красным лицом. И телом он был дрябл, точь-в-точь трухлявое бревно в лесу. Но с двадцати шагов смотрелся вполне нормально. О, он был просто обычный парень, тощий мальчишка, потомок поляков, переселившихся в Америку. Но для жителей Париса главное было, что он белый. Белый человек. Говорят, любовь слепа, но горожане были определенно зрячие. Даже очень.

Когда тебе раз за разом говорят одно и то же, поневоле устанешь. Я знаю, мистер Хикс думал, что Джас Джонски сошел с ума. А может, предался дьяволу. Хотеть жениться на существе, которое ближе к обезьяне, чем к человеку, – вот как сформулировал это мистер Хикс. Джас Джонски передал мне его слова, очень сердитый, но вместе с тем, может быть, чуточку испуганный. У Джаса была мать в Нэшвилле, но он ни разу не свозил меня, чтобы с ней познакомить. Ничего такого.

Однажды я вернулась на ферму вся в синяках. Увидев это, Розали Бугеро вскрикнула и отвела меня на задворки, в баню, потому что со мной надо было сделать тайное, чего мужчинам видеть не полагалось. Потом она привела меня в дом, смешала мазь из толченых листьев и осторожно втерла мне в разбитое лицо.

Когда мужчины вернулись с поля, Томас Макналти сильно выражался и скрежетал зубами.

– Не знаю, зачем вы вообще отпускаете девочку в город, – сказала Розали.

– Цыц, чего уж теперь, – сказал ее брат Теннисон, но он и сам не знал, что имел в виду. Его точеное лицо было закутано испугом.

Мне казалось, что у меня в лице все кости потрескались, словно тарелку уронили. Через несколько дней я вышла поплескать в лицо водой из бочки и даже в дрожащем отражении поняла, что я не красавица. В тот же день я начала трястись, как та самая вода. Я тряслась две недели и, хотя потом перестала, чувствовала, что у меня внутри, где-то глубоко, еще продолжается дрожь. Как рикошет от пули отдается эхом в расселине между скал.

Мое свадебное платье было тогда только наполовину готово и лежало у Томаса Макналти, перекинутое через спинку стула. Томас работал над шитьем, когда выпадал часок. Платье было похоже на человека. Белое, как привидение.

– Я не хочу сейчас выходить замуж, лучше убрать это платье до другого раза, – сказала я.

– Господи, помилуй нас, – ответил Томас страдальчески, как портниха, что много часов провела за шитьем.

В доме воцарилось какое-то отчаяние. Как будто небо упало, и не было мулов и веревок, чтобы втащить его обратно наверх.

Джон Коул сказал, что пойдет поговорит с шерифом Флинном.

– Не будь дураком, – сказал Томас Макналти. Сострадательно, тихо сказал.

Просто им хотелось что-нибудь сделать. В этом мире, если случилась несправедливость, человеку кажется: можно что-то сделать прямо сразу, чтобы ее загладить. Справедливость. Я думаю, это было так даже до того, как пришли белые люди. Мать рассказывала мне историю про мой собственный народ, которая случилась сотни лет назад. Было одно племя, которое говорило на нашем языке, но отделилось от нашего и стало пожирать своих врагов после битвы. И еще люди этого племени стали приходить туда, где мы хоронили своих мертвых, и пожирать их тоже. Они приходили ночью и крали тела. Они старались поймать кого-нибудь из нашего племени и съесть. Как я дрожала, услышав этот рассказ. Долго ли, коротко ли, наши люди пошли воевать с тем племенем и многих из него убили. В конце концов последних оставшихся из того племени загнали в большую пещеру, завалили кучами дров и сказали: если те не перестанут быть людоедами, мы подожжем дрова. Те не хотели перестать, и наши подожгли дрова. Костер горел неделю – глубоко в горе.

Ребенку было страшно слушать этот рассказ, но он был еще и о справедливости. Правосудие. Сделать что-нибудь сразу, чтобы загладить преступление. Человеку хочется справедливости. Даже если это значит убить. Иначе может случиться что-нибудь еще похуже. Томас Макналти и Джон Коул тоже это чувствовали. Оно было частью мира, в котором мы пытались жить. Однажды, как я уже рассказывала, они защитили ферму от Тэка Петри и его банды, которые пришли с ружьями, чтобы забрать выручку того года за табак. Они были такие храбрецы, что дальше некуда.

Но мы были бедны, и среди нас было два индейца.

Вообще, побить индейца – не преступление, как я уже сказала. Лайдж Маган пошел к законнику Бриско – тот, конечно, был его другом и другом его отца, – чтобы тот подтвердил. И он подтвердил.

Лайдж Маган вернулся в мрачной задумчивости.

У Томаса Макналти и Джона Коула на самом деле не было ничего, кроме меня. В смысле, такого, без чего они не могли бы жить. Такого, за что могли бы отдать жизнь. Так они говорили. Мне было ужасно больно слушать, как они это говорят, а потом – как они говорят, что их самое дорогое сокровище пострадало и они не знают, что делать. И что, может быть, как выяснил Лайдж Маган, они не смогли бы это поправить, даже если бы знали как.

Живи мы подальше на запад, они могли бы начать стрелять, если бы нашли виновного.

Томас Макналти гадал, будет ли какой-нибудь толк, если обыскать город на предмет бродяг и бездомных и, может, поездить по дорогам с той же целью. Джон Коул сказал, что нынче на дорогах одни только бездомные бродяги и есть. Томас Макналти вздохнул и сказал, что они сами многажды были такими же бродягами.

Они всё спрашивали меня:

– Ты видела, кто это был? Бродяга? Кто-нибудь знакомый?

А я все отвечала:

– Не знаю.

Я подошла и встала у ноги Джона Коула – как собака, что не понимает, хорошо поступила или плохо.

Ведь я думала, что должна знать, и пыталась понять, знаю ли. Я очень смутно помнила, как тащилась вон из города, навроде раненого пони, и дотащилась до дома законника Бриско, и Лана Джейн Сюгру, его экономка, кликнула своих двух братьев, и они домчали меня до дома на двуколке Бриско. Может быть, я плакала, а может, и нет. Братья – Джо и Вирг – не смели на меня смотреть, но нервно переглядывались. Я помню, как неслись мимо поля и пустоши, а братья все подстегивали пони. Каждый ухаб отдавался болью через жесткое сиденье. А потом братья, не сказав ни слова, высадили меня на задах фермы Лайджа.

Они не стали высаживать меня перед домом.

Глава третья

Я могла бы сказать, что лицо мне разбил Джас Джонски. Конечно могла. Но у меня не было этого в голове. Там, где должны жить все истории. Чистые, как ручей высоко в горах. Джас Джонски, с которым мы даже ни разу не целовались. У меня в голове было темно, и я ничего не видела. Небольшая буря дрожи каждую минуту налетала на меня и сотрясала все тело. В меня кто-то вошел силой, это точно, потому что там внизу у меня все было изодрано. Я могла бы сказать, что, кажется, это был Джас Джонски, но тогда их дикими лошадьми было бы не оттащить – они бы его убили. Будь Джон Коул не индейцем, а ангелом, все равно его было бы не остановить. Он бы отправился в город с пылающей местью внутри, и Джаса Джонски ничто не спасло бы.

Я не хотела, чтобы Джона Коула повесили. И не видела ясной картинки у себя в голове.

В Америке только сделай виноватый вид, и тебя тут же повесят, если ты бедняк.

И вообще, может быть, я хотела сама все поправить. Помню, у меня была такая мысль. Я просто храбрилась с отчаяния. Помню, я думала тогда: поначалу отец и мать тебя защищают, но приходит пора, когда ты сам должен за себя сражаться. И я решила, что для меня уже настала эта пора.

Скажу еще, что мне было очень стыдно. Стыдно, что Розали пришлось меня мыть. Я была в ступоре от стыда. Я не могла об этом говорить даже сама с собой. Поэтому, вместо того чтобы говорить, я думала: я сама за это сквитаюсь. Наверно, я была храбрая. Такие мысли хороши на время, поначалу. Но как их воплотить?

То, о чем я рассказываю, случилось в округе Генри, штат Теннесси – возможно, году в тысяча восемьсот семьдесят третьем или семьдесят четвертом; я никогда не была особо сильна в датах. И хоть оно и случилось, никто не знал, что произошло на самом деле. Были голые факты, было мертвое тело, и были подлинные события, никому не известные. Случались и другие убийства, но тогда было известно, кто убийца. А кто убил Джаса Джонски? Это был большой вопрос для горожан. Он занимал умы дольше, чем можно было ожидать. Возможно, в Парисе до сих пор об этом судачат. Хоть я и говорю, что описываю все как есть, не забывайте, что я рассказываю много лет спустя. И что теперь уже никого не осталось в живых, чтобы подтвердить или подвергнуть сомнению мой рассказ. Кое в чем я и сама сомневаюсь. Потому что я говорю себе: могло ли это быть на самом деле? Неужели я и правда так поступила? Но через трясину воспоминаний можно пробраться только одной-единственной тропой.

За исключением законника Бриско и, может, еще двух-трех человек, горожане считали меня не человеком, а дикой тварью. Скорее волк, чем женщина. Мою мать убили так, как пастух убивает волка. Это тоже факт. Надо думать, фактов было два. Я была меньше, чем наименьший из обитателей городка. Я стояла ниже, чем шлюхи в публичном доме. Возможно, для горожан я была просто заготовкой будущей шлюхи. Я значила меньше, чем докучливая черная летняя муха. Меньше, чем старое дерьмо, что выбрасывают на задворки. Настолько мало, что со мной можно было делать что угодно – бить, избивать, пристрелить, содрать шкуру.

То, что Джон Коул берег меня, как золото, по его собственным словам, – так берег, что само солнце мне завидовало, – ничего не значило в глазах всех остальных людей на земле.

Законник Бриско был, как выражался Томас Макналти, «большой оригинал». Я будто слышу голос Томаса у себя в голове. Это слово у него звучало скорее как «ригинал». Лайдж Маган говорил, что второго такого не сыщешь на всех широких просторах Америки. Во всяком случае, насколько ему известно.

– Конечно, – оговаривал Лайдж Маган, – я не со всеми в Америке знаком.

Законнику Бриско – я никогда не слышала, чтобы к его имени прилагали какое-либо другое звание, – было лет шестьдесят, когда я стала на него работать. Он еще не начал лысеть – жесткие волосы торчали, как проволока, и он приглаживал их с помощью масла из баночки. Ох уж это масло. Оно воняло гнилой капустой. И еще меня всегда удивляло, какие у Бриско чистые руки. Конечно, он не работал на земле. Но у него были всякие штучки с пемзой, которыми он полировал ногти, и серебряная острая штучка, которой он чистил под ногтями, если туда вдруг попадала грязь.

Он был слишком старый, чтобы участвовать в войне, но это, наверно, и к лучшему, говорил он; как и многие другие в Теннесси, он не знал, на чьей стороне лучше быть, и от сомнений у него голова шла кругом. Возможно, он решил, что хочет быть на стороне жизни.

Контора его располагалась прямо в доме и была полна блестящего дерева – оно так блестело, будто на полу стояла лужа воды, мерцало и переливалось. Бриско посадил меня за столик в углу, чтобы я вела счета. У окна, что выходило на большую дорогу. Он хотел, чтобы я примечала, кто ездит в город и из города, и порой просил записывать имена, если я их знала. Многие, кого я видела из окна, ездили этой дорогой каждый день. Например, возчик Феликс Поттер, чье имя значилось на бортике телеги. Если проезжал кто-то незнакомый, я спрашивала законника Бриско, кто это, и он подбегал к моему окну и выглядывал. Мне приходилось сторониться, чтобы дать дорогу его большому животу. Так я узнала почти всех в Парисе, кто ездил по этой дороге. Теперь, когда к законнику Бриско приходил клиент, я уже примерно знала, кто это, и если у нас были документы, относящиеся к этому человеку, я доставала их из шкафа для бумаг.

Документы порой говорили о человеке многое, порой молчали. Там были списки всех душ, что продавались и покупались в округе Генри, в конторе по продаже негров – она раньше принадлежала отцу законника Бриско. Была там и денежная история лавки мистера Хикса и четырех других городских лавок – история за семьдесят лет, правительственные контракты за многие годы на снабжение исчезнувших индейцев – и пятьдесят страниц старых высохших нарядов на довольствие войск, что изгнали чикасо и чероки из Теннесси.

В документах было написано, что цивилизовать нас не удалось. Я читала это и плакала. Не было на свете ничего более цивилизованного, чем грудь моей матери и я сама, прикорнувшая на ней.

Но цифры не плачут. И еще они нужны в любом деле.

Законник Бриско очень настаивал, чтобы я следила за дорогой. Это нужно было в том числе и для выживания, ведь в те послевоенные времена в Теннесси добра от незнакомцев ждать не приходилось. А взгляды законника Бриско, правду сказать, были очень уж восточнотеннессийскими для человека, живущего на западе штата. В восточном Теннесси многие не хотели отделяться от Союза. Там часто встречались не только кучки солдат, но также и таинственные люди, которые, возможно, когда-то были солдатами, но проиграли войну. Иногда в сумерках на дороге становилось очень оживленно. Даже несмотря на то, что новый губернатор стоял за старых сепаратистов и они набрали достаточно голосов, а предыдущий губернатор был, наоборот, за Союз и отнимал голоса у сепаратистов. А может, как раз не несмотря, а потому что.

Сам законник Бриско сидел за огромным столом, привезенным в Теннесси на одном из первых переселенческих фургонов. Он сказал, что это было почти сто лет назад, когда штат Теннесси еще даже не образовался. Первым Бриско в этих местах был его прапрадед. Законник Бриско питал горячие чувства к штату Теннесси. Он любил говорить об исторических истоках и часто произносил расхожее местное выражение «между горами и рекой». Согласно ему, эти слова описывали географическое положение штата – между Аппалачами и Миссисипи. Надо думать, что так. А про западный Теннесси говорили «меж двух рек», поскольку западная часть штата и впрямь лежала между реками Теннесси и Миссисипи.

Законник Бриско вообще широко мыслил, если можно так выразиться, по поводу мира в целом. Он активно участвовал в разных благородных делах, которые сам называл «немодными». Видимо, я была одним из этих дел. Бриско считал, что старый президент Эндрю Джексон много лет назад очень нехорошо обошелся с индейцами чикасо, выгнав их в индейские земли. Что касается Улисса С. Гранта, нынешнего президента, Бриско сильно вздыхал, говоря о нем. Возможно, он хороший солдат, но разве из хороших солдат непременно получаются хорошие президенты?

Законник Бриско был женат на женщине из Бостона и родил с ней семерых детей, но она забрала детей и уехала обратно в Бостон. Взамен у него теперь была экономка Лана Джейн Сюгру и ее два брата, которые тогда отвезли меня на ферму. Лана Джейн была родом из Луизианы и употребляла такие слова, как «кутюр» и «куафюра». Она была очень маленькая и ходила в шляпке как на улице, так и в доме, ибо почти полностью облысела.

Я сидела за своим столиком и вела книги. А потом в шесть часов приезжал Джон Коул на телеге и забирал меня, потому что законник Бриско жил к югу от Париса и не нужно было проезжать сквозь город, как сквозь строй. По дороге Джон Коул, побуждаемый тишиной вокруг, рассказывал мне про Новую Англию, свою родину, и про все их с Томасом приключения, весьма многочисленные. Иногда он был весел и рассказывал в смешном духе, но по характеру больше любил говорить о серьезном.

– Самое важное в мире, – говорил он, – это ежели кто тебе сделает плохо, чтоб он непременно помер.

Времена года служили фоном его словам. Если была зима, он застегивался так, что лишь глаза сверкали двумя угольками, и я тоже куталась, но он все равно умудрялся продолжать разговор, даже в самые ледяные дни.

А вот когда он был рядом с Томасом Макналти, а он старался быть с ним рядом по возможности все время, он почти всегда молчал.

Когда Томас одевался моей мамой, он оставался примерно таким же. У него ни голос не менялся, ничего. После возвращения из Канзаса он реже надевал платье. Если уж законник Бриско был «ригиналом», Томас – тем более. Томас Макналти часто говорил, что пришел из ниоткуда. Он это имел в виду совершенно буквально. Все его родные умерли в далекой Ирландии, как мои – в Вайоминге. Они умерли от голода, и многие индейцы погибли от того же. Он говорил, что пришел из ниоткуда, но теперь живет с королями и королевами. Ему никогда не приходило в голову, что мы тоже – ничто.

У него была такая манера – говоря о Джоне Коуле, он подавался лицом вперед, и подбородок ходил вверх-вниз, как кулачок на станке. Джон Коул в глазах Томаса Макналти был всегда прав. При упоминании о нем Томас краснел. Он говорил что-нибудь совсем обычное, но щеки заливались румянцем.

– Наверно, надо спросить Джона Коула, – мог сказать он, если выходил какой-то спор. И выставлял лицо вперед.

Он не старался быть смешным, но я каждый раз смеялась. Он, конечно, видел, но не обращал внимания. И ни разу не спросил, что именно меня смешит. А и спросил бы, я бы не смогла ответить.

Я всегда запросто могла говорить с Томасом о чем угодно, пока не обнаружила, где проходит граница.

Возможно, Розали Бугеро тоже опечалилась, когда мое платье убрали, – ведь это она заправляла всем делом, как королева, из-за кулис. Это она раскроила белую ткань на сотню кусков, свернула из них розочки и пришила под вырез платья. Розали Бугеро до недавних времен была настоящей рабыней, как я уже сказала, но если она и думала об этом, то ничем не выдавала – показывала лишь склонность к тому, что лучше всего назвать счастьем.

В тот день, когда я явилась домой избитая, она не была счастлива. Она была очень расстроена, когда обмывала меня. Ей пришлось мыть мне между ногами. Наверно, она видела много женских страданий, когда была в рабстве.

Но конечно, жители западного Теннесси, за кого бы они ни сражались во время войны, не слишком любят чернокожих.

– Они не любят, когда черные много о себе понимают, – сказал Лайдж Маган. – В этих местах живут одни серопузые.

Он шутил легко – как солдат победившей армии, который понял, чем чревата победа.

– Восточный Теннесси во время войны был весь за Линкольна, – рассказывал он, – все тамошние жители были за Союз и сражались в синих мундирах, как мы. А вот в этом западном Теннесси сплошные серые мундиры и хлопковые поля.

Делясь этими историческими сведениями, он качал головой, словно они привели его в замешательство, да так оно и было.

– Грант, наверно, ничего, – сказал Томас Макналти. – Он не друг никаким серопузым.

Розали Бугеро плевать хотела на Улисса С. Гранта, и, глядя по тому, как обернулось дело, может, она была и права. Она хотела только, чтобы пироги у нее удавались, как она задумала, и чтобы мы в покое проводили зимние вечера, когда непогода загоняет все мечты под крышу, и я готова биться об заклад на большие деньги – она безо всякой радости обмывала меня после всего, что случилось.

Ее брат Теннисон как мог возделывал поле для себя, в остальное время работал на Лайджа, и еще Лайдж платил Розали жалованье за работу по дому, и Розали полагала, что сама себе хозяйка. Ну почти.

Я не могу сказать после всех этих лет, что ее любили в городе. Примерно так же, как меня и Джона Коула. И когда она ходила по городу, то должна была смотреть себе под ноги, не поднимая глаз. Но она все же бывала в городе, проникала в галантерейный магазин с черного хода, осторожней не бывает. Я думаю, она разбиралась в лентах получше, чем мамаша Коган, жена галантерейщика.

В тот день Розали обмывала меня нежно и осторожно, что-то приговаривая, совсем как мать.

Хоть она и не была никогда замужем, а о браке знала во всех отношениях побольше, чем Томас Макналти. Я-то не знала вообще ничего, ни в каких отношениях. Вероятно, пастор белых людей беседовал с невестами, готовя их к будущему браку, но мне этого, скорее всего, не перепало бы – меня ведь и учиться не пустили, когда я была маленькая. Но это не важно, потому что Розали постаралась обо всем позаботиться. Она объяснила мне, как работает механизм любви, и что куда входит, и как это перетерпеть, и что, по всей вероятности, нравится мужчинам, и что им, скорее всего, не нравится. Я думаю, она рассказала мне все, что знала. Сама будучи женщиной, она не имела сведений о мужском устройстве. Как я уже говорила, в юности она жила в старых хижинах для рабов – эти хижины до сих пор стояли к северо-западу от большого поля Лайджа, медленно рушась в сорняки под гнетом непогоды. На плантации насчитывалось десятка три рабов. По выражению Розали, человечество там было книгой без обложки.

Она принесла эмалированный тазик с горячей водой, чистую тряпочку и стала меня обмывать. Господи помилуй. Она прекрасно знала, что произошло, но, как я помню, ни у меня, ни у нее не было слов, чтобы это обозначить. Она говорила со мной на языке доброты и обмыла меня, а потом обняла двумя руками, и стала покачивать, и сказала, что я очень хорошая девочка и не должна горевать. Но я, конечно, ужасно горевала. И она это прекрасно знала. У нее были такие странные глаза, желто-оранжевые, как осенняя урожайная луна, – я никогда больше ни у кого таких не встречала. Она была добрая женщина, с которой долго обращались

так, словно она ничто. У Лайджа была целая теория по поводу того, что Розали на самом деле королева. Он любил об этом говорить.

– Кто знает – может, наша Розали на самом деле королева, – говорил он.

До этого дня невеста Джаса Джонски была счастлива. Пускай ферма Лайджа, по его собственным словам, после войны не стоила и двух центов – нам хватало на повседневные нужды. И я работала в хорошем месте. То были хорошие дни и для Джона Коула с Томасом Макналти, ибо великие превратности, что постигли Томаса в форте Ливенуорт, уже миновали – тогда его прежний командир майор Нил пришел ему на помощь и спас от виселицы.

Я хорошо помню тот день, когда он вернулся домой после долгого пребывания в тюрьме. Думаю, во всем мире за всю его историю не было такого счастливого лица, как тогда у Томаса Макналти. Он прошел пешком пятьсот миль от самого Канзаса.

А мы с Джоном Коулом прошли полдороги до города, потому что знали – Томас Макналти обогнет город лесом и возникнет, что твой олень, прямо на опушке.

Не знаю, видали ли вы когда, чтобы один мужчина обнимал другого, но если не видали, поверьте мне, что это зрелище трогательное. Поскольку мужчины считают, что должны быть суровыми и храбрыми. Может, Джас Джонски так думал, но не мои двое. Они схватили друг друга в объятия под драными кронами деревьев. Может, Томас Макналти был обтрепан хуже, чем лесной куст, а Джон Коул на взгляд со стороны был груб, как придорожная канава, но я знала их историю в малейших деталях и могла измерить тот яростный ток силы, что шел из груди одного в грудь другого, весь жар этого объятия.

Наверно, если я чего и хотела от Джаса Джонски – это чтобы он меня любил вот так.

И вот – Розали меня обнимает и укачивает.

Мир все-таки очень печальное место.

Глава четвертая

Мы знали, что где-то в других местах голодают. На всем Юге поля пожгли в последний год войны, а говорят, что после этого на поле растут одни только сорняки. А потом весь мир покатился к черту. В банках не было денег. Зачем нужны банки, если в них нет денег? В газете «Страж Париса» писали, что в некоторых округах бродят огромные толпы освобожденных рабов, и еще писали о насилиях и убийствах, и никто не знал, когда же наступит поворот к лучшему. Президентом стал Эндрю Джонсон. Он рассыпался в уверениях, что исполняет волю покойного Линкольна, а на самом деле был на стороне побитых конфедератов. Так говорил Томас. А побитые конфедераты все время бунтовали.

Я не впервые видела кругом бушующие потопы и пожары. И хорошие дни тоже переживала не впервые. И не впервые видела, как в хорошую жизнь вторгаются и разрушают ее. Когда я была маленькая, моя собственная мать изо всех сил старалась, чтобы я была все время счастлива. Жизнь ребенка в моем народе была блаженной. Взрослые женщины делали работу по лагерю, мужчины охотились и сражались, а на долю детей оставалось только скакать вокруг и быть счастливыми. Это я точно помню. Мы бегали между типи, и нас ничто не стесняло – мы разве что злой собаки сторонились. Зимой нас удерживали в типи жестокие метели, но что нам было с того? Нам давали полоски сушеного мяса, а снег таял у очага. В самую глухую часть года наше типи было как конус, спрятанный в большом сугробе, и лишь дымок выдавал наше лежбище. Мать хранила в голове множество интересных историй и рассказывала их нам, а мы жались к ее ногам для тепла. В те годы у нас был свой язык. Я как сейчас помню ее бормотание, ее дыхание, которое обдувало мне лицо, как маленькая буря, когда я смотрела на нее снизу вверх. Мать обхватывала нас руками, и забывала про них, как про упавшие ветки, и говорила. О чудесах и неизведанных временах. Она умела каждый момент в сознании ребенка сделать добрым, и мы чувствовали в ее словах протяженную страну вечности. Много раз я от счастья рыдала ей в колени.

Мать славилась в нашем племени смелостью. Как-то раз, когда все мужчины были в отлучке, отряд индейцев-кроу, наших врагов, подобрался к деревне. Там оставались только женщины, дети и старики. Эти кроу хотели захватить нас и убить или еще что-нибудь, кто их знает. Жители деревни сбились вместе. Тут из толпы вышла моя мать и двинулась на околицу, где стояли кроу. Она дружелюбно приветствовала их и заговорила с ними, и скоро они уже любезно беседовали; так волшебством своей храбрости мать предотвратила несчастье. Люди благоговейно рассказывали об этом и питали великое уважение к моей матери. Три или четыре раза ее просили поехать вместе с мужчинами на войну, поскольку верили, что она обладает особой силой. Ее одевали в мужское платье, и она уезжала. Она всегда знала, где находится враг, даже если он прятался. Ни один человек на этой земле не мог бы от нее укрыться. Мне многие говорили, что подобной ей не было. Она сама была как легенда.

Еще одна ее история называлась «Падёж». Тысячу лун назад, рассказывала она, великая болезнь постигла племя. Почти все умерли. Люди падали на землю и всего через несколько часов умирали. О, как мы боялись этой истории! «Тысяча лун» у матери обозначала самый долгий срок, который только можно вообразить. Примерно как «сто лет» у Томаса Макналти. Бродячий проповедник как-то спросил его: «Томас, когда ты приехал в Америку?» – «Сто лет назад», – ответил Томас. Для моей матери время было не длинной нитью, а чем-то вроде круга или обруча. Она говорила, что, если долго идти, можно найти еще живыми людей, которые жили давным-давно. Она называла это «тысяча лун сразу». Так далеко пройти нельзя, говорила она, но все равно эти люди где-то есть. Ее представления о мире завораживали нас, детей, и вместе с тем пугали.

Но конечно, солдаты убили ее, и моего отца, и дядьев. Убили и сестру, и теток, много народу убили. Наверняка. Потому что больше никого не осталось. Мне казалось, что я одна.

Мы для них были ничем. Теперь я думаю о том, как важно для нас было – быть кем-то, и гадаю, что это значит, когда другие люди решают, что ты – ничто и достоин лишь смерти. Как все то, чем мы гордились, было раздавлено и перестало существовать и остались лишь пылинки, которые унес ветер? Куда девалась тогда храбрость моей матери? Тоже обратилась в пыль? Мы думали, что мир называется «остров Черепахи»[2], но оказалось, что нет. Каково это для сердца человека? Каково было моему сердцу?

Ничто, ничто, ничто, мы были ничем. Я думаю об этом, и еще думаю, что это – вершина печали.

Но может быть, именно поэтому Томас Макналти и Джон Коул меня полюбили. Потому что я была дитя-ничто.

Лишь несколько маленьких детей уцелели в резне, и их вырвали из той жизни, как шипы, и поместили в другую. Потом миссис Нил в крепости учила меня английскому языку и отдала Томасу Макналти, когда он попросил. Она спросила, хочу ли я ехать с Томасом. И даже несмотря на то, что я была маленькой потерянной девочкой, а он – грубым солдатом, он мне нравился. Я помню, как сидела, вся такая маленькая и аккуратная, перед миссис Нил и решала. Да. Они хотели забрать меня с собой как служанку. Может быть, миссис Нил отдала бы меня в любом случае. Но я этого не знаю, потому что сказала «да». Томас нравился миссис Нил. Она ему доверяла. Теперь я понимаю, что многих индейских девочек забирали с дурными целями. Тот сумасшедший Старлинг Карлтон – все знают, что он воровал детей. Он крал их из индейских земель и продавал людям для таких страшных дел, что никакая глухая зима и черная ночь с ними не сравнятся.

Нет, я думаю, что и впрямь не помню той резни. Я честно думаю, что не могу вспомнить.

А теперь со мной случилось еще что-то такое, чего я не помню. Оно случилось только что.

И вдруг посреди всего этого через пару недель явился Джас Джонски. Он прицокал по проселочной дороге верхом на старой кляче, которую, видно, выпросил на извозчичьем дворе у своего приятеля Фрэнка Паркмана. Конечно, я с тех пор не бывала в городе, а Джас, видно, ждал меня там. Кто разберет, что было у него в голове. На дворе стояла поздняя весна, изредка проглядывало солнце, но было еще холодно. Дрожь у меня прошла – во всяком случае, на сторонний взгляд, – но от вида Джаса на этой жалкой кобыле, от его красного лица мне стало нехорошо. Я не очень-то хотела с ним говорить. Совсем наоборот. Я стояла в гостиной так, чтобы меня не видно было из окна, и следила, как он подъезжает, вонзая шпоры в бока сивой кобылы. Мужчины отлучились, но недалеко, они работали в сарае для хранения табака – всего в сотне ярдов от дома.

Розали как раз чистила ружье Теннисона. Оно лежало разобранное на кухонном столе, и в комнате густо пахло ружейной смазкой.

– Кто там едет? – спросила она, не поднимая головы. Наверно, услышала стук копыт. Я уже говорила, что каждого незнакомца приходилось бояться.

– Это этот, Джас Джонски, – сказала я.

Розали оставила братнино ружье и подошла к окну. Она послала туда яростный взгляд, а потом оглянулась на разобранное ружье, словно оно сейчас не помешало бы.

– Ты хочешь его повидать? – спросила она.

– Не очень-то.

– Ты уже сказала ему насчет свадьбы?

---

[2] *Остров Черепахи* – название Северной Америки, бытующее у индейских народов в США и Канаде. Согласно ирокезскому мифу, различные животные пытались донырнуть до дна океана, чтобы принести оттуда грязь для создания суши. Грязь поместили на спину черепахи, и из нее вырос континент, теперь известный как Северная Америка.

– Я с ним вообще ни слова не говорила.

– Хочешь, скажу ему, чтобы приехал в другой раз?

– Скажи, чтобы вообще больше не приезжал.

Она мимоходом ласково коснулась ладонью моей спины и вышла в холодный свет утра. Протопала по ступенькам крыльца вниз. Джас Джонски теперь был футах в сорока от нее. Он силился привязать кобылу к столбу. Но кобыла закидывала голову, как сам дьявол. Розали подошла к Джасу вплотную и только тогда заговорила.

Она была крупная женщина, и казалось, что ее вдвое больше, чем тощего Джаса. Я видела его обычную улыбочку и слышала его жестяной смешок. Джас положил руку на спину Розали – точно так же, как она только что коснулась меня. Этим жестом он как-то умудрился показать, что хозяин здесь он. Но Розали, в отличие от меня, уверенно шагнула назад и развела руки. Не знаю, что она сказала, но Джас Джонски надулся и посмотрел на нее так, словно она помочилась ему на ботинок. Хоть она и не была больше рабыней, он все-таки считал ее много ниже себя. Несмотря на малый рост, он умудрился властно отодвинуть ее в сторону и двинулся к дому. Ко мне и к дому.

Ну а я отступила через гостиную, выбежала на задний двор, помчалась, подгоняемая страхом, через обглоданные зимней стужей сорняки и чуть не сорвала щеколду на маленькой дверце, вделанной в большую дверь амбара. Лайдж Маган стоял с огромными граблями в нескольких футах от двери и сгребал табачную пыль вместе с другой пылью, какой полно по всему свету. Я видела Томаса Макналти и Джона Коула – они сидели на верхах клетей для сушки табака и конопатили щели раствором известки и глины, смешанным в тяжелых ведрах. Лайдж сожжет всю эту пыль, чтобы выгнать плесень и грибки, которые заводятся в собранном табаке. Теннисона Бугеро я не заметила. Нет, вон он, в дальнем углу, точит зубья бороны. Всю зиму они пахали мерзлую землю, аж до визга лемехов. Скоро придет пора боронить.

Я вся вспотела в одном платье и тряслась. Я пробежала по амбару и взлетела по большой лестнице наверх, к Джону Коулу, словно до сих пор была маленькой девочкой, и обвилась вокруг него. Вот тебе и «сама сквитаюсь». Руки и колени Джона Коула были в засохшей глине. Отпечатки остались на мне. Десять мулов, привязанные под лестницей – для тепла, – задрожали на привязях и попятились по утоптанному земляному полу.

Джон Коул стал спрашивать меня, что такое, и я сказала, что Джас Джонски у нас в доме.

– Прогони его.

– Это вдруг почему? – спросил Джон Коул.

Я сказала, что сама не знаю почему, но буду ему чрезвычайно обязана, если он выйдет и велит Джасу уехать, а также скажет, чтобы тот больше не беспокоился приезжать.

Томас Макналти был весь покрыт глиной; подобравшись к нам, он стукнул себя обеими руками по груди, потом по ногам, потом по заду, чтобы отряхнуться, но это не очень помогло, и тогда он посмотрел на меня.

– Я выйду поговорю с ним, – сказал он. Такого мрачного голоса я у него еще не слышала.

– Будь так добр, Томас, – сказал Джон Коул.

Тут и Лайдж Маган влез к нам наверх по лестнице. Отец Лайджа отправил Розали учиться в школу бок о бок со своим сыном. Такое могло случиться только давным-давно, в эпоху рабства. Возможно, Розали была единственной женщиной во всем Теннесси, знающей латынь, греческий и древнееврейский. Теннисон, ее брат, не умел ни читать, ни писать, так что ее дары были редкостью. К чему я это – за все время, что знаю Лайджа, я ни разу не видела, чтобы он читал книгу, но, видно, сколько-то учености, что впитала Розали, досталось и ему. В общем, он не пустил Томаса Макналти.

– Думаю, лучше всего будет, если я сам к нему выйду и вынесу приказ, – сказал Лайдж.

Он имел в виду Джаса Джонски. Лайдж до сих пор мыслил как в армии.

Теперь, думая об этом, я понимаю, что нам было опасно жить в округе Генри – трем солдатам, сражавшимся за северян. Но для них в этом и был весь смысл. Они были солдатами до мозга костей. Тэк Петри обнаружил, что слаб против них, а у него в банде было пять или шесть человек, закаленных, привыкших носить мундиры.

Лайдж Маган спустился в пыльный котел амбара и взял ружье. Вскинул на нас беглый взгляд, протиснулся через дверцу, дверца хлопнула, и в амбаре снова стало темно. Мы все смотрели в ту сторону, где, по нашим представлениям, Лайдж Маган сейчас шел через двор разговаривать с Джасом Джонски.

Прошла минута, другая. Дышали ли мы вообще в это время? Раздался ужасный грохот, и Томас Макналти вздрогнул и посмотрел на Джона Коула, а потом стал думать, идти ему туда или остаться, но все же, видно, решил пойти, на случай, если Джас Джонски все-таки вооружен. И заспешил прочь.

Надолго воцарилась тишина. Со двора не доносилось ни звука, и мы не знали, что происходит.

Глава пятая

– Так это он, значит? – спросил Лайдж Маган.

Мы сидели в доме, за хорошо знакомым столом. Розали Бугеро – рядом со мной, Томас Макналти – напротив. Томас скрестил руки на груди и глядел на меня, качая подбородком в седой щетине. Джон Коул стоял у окна и смотрел во двор, но таким странным, невидящим взглядом. Теннисона Бугеро с нами не было – он сидел в бельевом чулане с Джасом Джонски.

– Он такого не говорил, – ответил Томас Макналти. – Он сказал, что это был не он. Сказал, что за каким нечистым он бы сюда приехал, будь это он. Так прямо и сказал, только что. Даже когда ты, Лайдж, сунул ему дуло ружья под подбородок, он все клялся, что это не он.

– Тогда, надо думать, придется его бить, пока не скажет правды, – вскинулся Лайдж. – По мне, так у него виноватый вид. И сбежать он хотел тоже как виноватый. Когда я выстрелил, он встал как вкопанный. И обернулся, весь белый. Тут, Томас, ты пришел, и я его спросил, а он ничего не сказал, только обмочился, и я его еще раз спросил, уже с ружьем, и тут он точно сказал, что ни при чем. Он сказал, даже не знал, что чего-то случилось. Десять дней ждал вести от Виноны, а от нее ни слова. «От невесты», сказал. И вот приехал посмотреть, что к чему.

Лайдж Маган посмотрел на Томаса Макналти с таким особенным выражением, которое означало: ну, что ты на это скажешь?

Но Томас Макналти не ответил. Он положил ладонь на мою потеющую спину. Я плакала, как весенний дождь. Я тряслась. И опять тряслась. Мне было худо, как отравленной. Томас Макналти слушал мою речь – странную речь без слов, которая лилась из меня. Мне никогда не было так горестно, тошно и страшно. Даже когда я пробиралась к Лане Джейн Сюгру, чтобы ее братья отвезли меня домой. Я не хотела знать, что со мной сделали. Не в подробностях. Я не хотела больше слышать разговоров. Я хотела, чтобы все вернулось, как было раньше, – я, и белое платье, и работа на законника Бриско, и мечты о поцелуях Джаса Джонски.

– Ну, нам надо знать, что делать, – сказал Лайдж Маган. Гнев вышел из него так же быстро, как и вошел. – Черт возьми, мы не можем его оставить связанным в чулане, если он не виноватый.

– Мы его выпустим, если мы ему верим, – твердо сказал Джон Коул. – Я вот не знаю, верю ли я ему. Он попросту вонючка.

– Зато ты сразу узнаешь, как сюда явится шериф Флинн с двадцатью молодцами и все тут к черту разнесет, – сказал Лайдж Маган. – Нам надо только дознаться, что случилось.

Говоря это, он смотрел на меня. Я видела его сквозь водопад слёз. Я даже не знала, что сказала Розали Бугеро мужчинам. Про то, что меня порвали. И все такое. Я даже ни разу не целовалась с этим парнем. Неужели это он меня порвал? Он ли это был? Я кричала на себя внутри себя, кричала громко, во все горло. Это было не видно снаружи. Но Томас Макналти был старый и мудрый, и он чувствовал, что происходит с другими людьми, я так думаю.

– Смотри, если человек ничего не помнит, это не значит, что ничего не было, факт, – сказал Томас Лайджу Магану.

– Я сейчас уложу девочку в постель и дам ей кроличьего бульону, – сказала Розали, тоже сердито, со скрежетом отодвинула стул и встала. – Посмотрите на нее. Она даже сидеть не может.

Я чувствовала, что растворяюсь. Мне казалось, что я вода и нет чашки, чтобы меня удержала. Мне казалось, что я крохотная. Я знала, что миру плевать. Внешнему миру, за пределами фермы Лайджа. Мир хочет, чтобы с индейскими девочками случалось плохое. Я так думала, когда у меня выходило думать. Но большей частью я старалась удержать свою тающую голову. Тающие руки и ноги. Я всего лишь девочка, верно ведь? Я была очень рада, что со мной Розали, такая добрая.

Но они все добрые, просто не знают, что делать. А ведь раньше они тысячи раз знали, что делать, в самые плохие времена. Потому они все еще живые и я все еще живая. Была все еще живая, но теперь боюсь, что как-то умудрилась умереть. Что кто-то взял и убил меня. Как же мне после этого встать? Как заполучить обратно свои руки и ноги? Как мне снова стать счастливой, глупо счастливой, каким нужно человеку быть в этой жизни? Стоять на крыльце весенним утром и чувствовать холод в солнечном свете и вместе с тем дальний отзвук лета? Каким глупым ребенком я была – но это самое лучшее, чем только можно быть в мире с тех пор, как он есть. Глупым ребенком, которого любят все вокруг. А что, если это был какой-нибудь неотесанный деревенский олух, заметивший единственные на весь город индейские черные волосы. Может, это и правда был деревенский олух. Может быть. Я все смотрела и смотрела назад, с натугой пытаясь увидеть. О, если это не Джас Джонски – может, для меня и осталась надежда.

– Я не говорю, что это Джас, – сказала я.

И вдруг меня там не стало. Так мне потом передала Розали. Я упала на пол без чувств, и Томас Макналти схватил меня на руки, а Розали велела, чтобы меня отнесли в кровать – глубокую теплую кровать, которую я делила с ней. Розали сказала, что Лайдж Маган поверил моим словам, как Писанию, и пошел в бельевой чулан, и выпустил Джаса Джонски. Джас Джонски вышел, сел на свою шаткую кобылу и умчался прочь.

Через какое-то время явился законник Бриско. Его привез Джо Сюгру в двуколке.

То была лучшая двуколка в округе. Я думаю, Бриско ее купил для своей изысканной жены, а теперь у него осталась только изысканная двуколка, на которой когда-то возили ее изысканность.

В общем, я попросту расплакалась, увидев, как он входит, – в таком состоянии я была.

Он вошел в дверь, как ложка в миску с кашей. В темной комнате его лицо больше не блестело. Розали грохнула кофейник о плиту с непривычной неловкостью – все от волнения при виде такого важного человека.

Он с удовольствием сел в старое дубовое кресло, что Лайдж Маган пододвинул для него к печке. Ведь заморозки всю ночь ярились над сухими луговыми травами. Несмотря на печь, Бриско не стал снимать меховую шапку и шубу. Он поговорил немного о погоде, спросил Лайджа Магана, как идут полевые работы, прокомментировал горестное положение всего вообще в нашем округе, вопросил Господа, знает ли тот, когда сие кончится, и, таким образом отдав дань приличиям, сказал то, ради чего явился. Он сказал, что слышал прискорбные новости о своей работнице, как он меня называл, и решил, что обязан и должен приехать сюда и посмотреть, что приключилось.

– Ну, вы видите, ее сильно напугали, это уж точно, – сказал Лайдж Маган.

– Я слышал. Джо Сюгру мне рассказал, и я был весьма огорчен, – ответил Бриско. – Но счета сами себя вести не могут, и я буду весьма признателен, если Винона вернется на службу как можно немедленней.

Я стояла, застигнутая врасплох, посреди комнаты и прилагала все силы, какие во мне еще остались, чтобы не уронить себя. Нельзя же всю жизнь провести в виде фонтана слез.

– В законе должно быть что-нибудь насчет возмездия, – сказал Лайдж Маган.

– Индейцы не граждане, и закон к ним не относится в той же мере, что и к белым, – ответил законник Бриско.

– Вот так, значит? – произнес Джон Коул – очень тихо, но с доброй щепотью угрозы.

Они смотрели друг на друга и, похоже, обдумывали его слова, а Джон Коул готов был следующим шагом после угрозы взорваться и запылать.

– Сейчас пришла пора смирения и тихой жизни, – сказал законник Бриско. – Лайдж, сколько тебе лет, черт возьми? Это хотя бы Господу известно?

– Не думаю, – ответил Лайдж, как бы желая рассмеяться, но удерживаясь изо всех сил.

Джон Коул, которого этот диалог вроде оттеснил в тень, переступил с ноги на ногу, совсем как лошадь переминается в стойле.

– А мне все сорок будет, – сказал Томас Макналти, хотя, по совести, не знал, сколько ему точно лет. – И я думаю, какой-то негодяй…

Он запнулся.

– Вы думаете – что? – резко спросил законник.

– Я думаю, какой-то негодяй должен ответить за то, чего он сделал с Виноной, раз уж вы спросили. – Томас внезапно обрел речь.

– Я тоже так думаю, – сказала Розали.

Законник Бриско уставился на нее. С удивлением? Нет. Как раз в этот момент Розали решила, что кофе сварился до нужной степени, и принесла его законнику вместе с чашкой, подцепив ее пальцем за ручку.

– Я говорю, надо найти, кто это сделал, пойти и пристрелить его, – сказал Джон Коул.

Томас Макналти и Розали явно были согласны. Томас Макналти развел руки, словно спрашивая: «Ну, мистер Бриско, что вы на это скажете?»

– А что, больше никто кофе не будет? – спросил Бриско. Никто не ответил, и он позволил Розали наполнить ему чашку.

– А патоки нет? – тихо спросил он у Розали, будто в каком-то совсем другом месте, не там, где мы сейчас были.

– У тебя вроде оставалась патока из Нью-Орлеана? – спросил Лайдж Маган у Томаса Макналти, желая, несмотря ни на что, удовольствовать гостя.

– Я ее вылил, – отрезал Томас Макналти.

– Судья, тростниковый сахар будете? – спросила Розали.

– Буду, буду, – ответил Бриско. – Благодарю вас, мисс Бугеро. Только я не судья, к слову.

Розали принесла сахар, сыпанула в чашку, и законник Бриско стал пить кофе.

Пока он пил, он молчал. Все остальные тоже. Каждый крутил у себя в мозгу только что сказанное и недосказанное.

Я не знала, что мне нужно было услышать. Когда ферму накрывает потоп, он валит много деревьев и прибивает к земле посевы, если они уже взошли. Самый страшный потоп – когда все поля до последнего нужно вспахивать заново, боронить; а если сеять уже поздно, значит ты на этот год остался без урожая. Так что, может, после потопа, высушив свои пожитки, поймешь: следующий год будет не такой сытный, как этот. Но ясно, как нос на лице: великую силу потопа, смерча или бури нужно встречать равной великой силой. Чтобы отстроить разрушенное, вернуть на место вырванное с корнями, сорванное с крюков.

Законник Бриско продолжал молча пить кофе.

Глава шестая

Хочу рассказать кое-что про Теннисона Бугеро. Потому что его избили. За то, что он небольшое время сторожил взаперти Джаса Джонски. Так говорили потом: за то, что негр держал в плену белого. Невежды решили, что это значит – негр занесся не по чину. В округе Генри многие, услышав такое, захотели непременно наказать негра. Они умели это делать.

Я была уверена, что Джас Джонски всему городу повествует о своей невиновности. Он входил в кучку парней-ровесников, которые вместе болтались по городу. Болтались и чесали языком.

Давным-давно на равнинах молодые парни из племени лакота тоже сбивались в кучку. Наверно, молодые белые – такие же. Девушки более одиночны. Но все равно я помню, как в племени три дня подряд праздновали, когда девочка вырастала и к ней приходила луна. Я не помню этого слова на языке лакота, но оно означало «луна». Помню песни и танцы, и как молодые девушки гордились. Когда ко мне впервые пришла луна – лет в двенадцать, – я была уже не с моим народом. Я была с поэтом Максуини в Гранд-Рапидс, а Томас Макналти и Джон Коул ушли на войну. Поэт Максуини был черный, как и Розали. Он служил привратником в городском театре и тем прославился, но когда у меня начались лунные дни, я решила, что умираю, и он тоже так подумал. Ему тогда было лет девяносто, мог бы и лучше разбираться в этих вещах. А так у него в дому оказалось два несведущих создания. Он побежал к доктору Гэнли, который жил через несколько дворов от нас, и доктор прибежал бегом обратно вместе с ним, а когда увидел, что со мной, рассмеялся. Он просветил поэта Максуини в этом вопросе и велел порезать старую простыню мне на прокладки. Вот так это было. Ни песен, ни танцев, ни женщин, которые знали бы, что делать.

Джас Джонски был молодой парень и походил на всех молодых парней на свете, будь они белые, черные или краснокожие. Тогда я не знала, он ли это указал на Теннисона Бугеро, когда тот приехал в город. Может, и он. Нашу телегу нашли накренившейся, брошенной в лесу, а бедняжка Джейкс, наша лучшая кобыла, стояла и тряслась в упряжи. Мне помнится, их нашли недалеко от дома законника Бриско – видно, несколько человек отвели туда лошадь с телегой и, я думаю, решили, что выполнили свой долг. Безжизненное тело несчастного чернокожего они попросту кинули на дороге.

Если бы кто-нибудь искал картину воплощенной скорби, то, случись неподалеку бродячий фотограф, он мог бы сделать дагерротип с Розали Бугеро. Когда пришла весть, я бросилась к Розали и обняла ее. Она рыдала без конца.

– Ничего, Розали, не плачь, – сказал Лайдж Маган. – По крайней мере, он живой.

Той же ночью Джон Коул и Лайдж Маган привезли его. Услышав дурные вести от братьев Сюгру, они пустились в путь на мулах. Вернулись они в телеге, привязав мулов к задку. Большой жестяной фонарь проливал свет на всю картину. Кобыла Джейкс все еще дрожала. Лошадь – понимающая душа. Бедное изломанное тело Теннисона Бугеро валялось на дне телеги. Красивое лицо распухло, все в синяках и в крови, а одежда, всегда такая аккуратная, стала похожа на лохмотья бродяги.

Вот почему я хотела сказать про Теннисона. Он славился – во всяком случае, среди нас – меткой стрельбой. Лайдж Маган постоянно рассказывал, как Теннисон воткнул травинку, отошел на пятьдесят ярдов, развернулся, вскинул «спенсер» и перебил травинку пополам. Лайдж Маган умел оценить такую меткость, ведь он сам был снайпером в армии, но даже тогда не мог бы сравниться с Теннисоном. У Теннисона Бугеро был дар от Бога. Конечно, он, как бывший раб, мог брать в руки оружие только в глубокой тайне. Какое-то время казалось, что для рабов наступили хорошие времена. Рабы побросали работу на фермах, где с ними плохо обращались. Они получили право голоса (ну, мужчины, во всяком случае). Они могли смотреть

белому человеку в глаза и говорить с ним прямо, как стрела. Но недолго. Теперь пошел возврат к прежнему. Если негры уходили, у фермера не хватало рук для обработки земли. И все из-за этого бесились. Ходили рассказы о вспышках жестокости, о злых словах и злых делах. А Теннисон Бугеро был благороднейшим из людей. Он бы помог любому, кто об этом просит или нуждается в помощи.

Он не умел ни читать, ни писать, но рисовал портреты на хорошей бумаге, которая хранилась у Розали. Он любил рисовать малиновок, что прилетали к нам на двор. Я знаю, как выглядит жалобный козодой – ночная птица – лишь потому, что Теннисон однажды поймал его в своем рисунке.

Но тех, кто его бил, это не интересовало. Белые люди в массе своей видят только рабов и индейцев. Они не видят отдельные души. А ведь любой человек – император для своих близких.

В тот вечер нам пришлось трапезовать объедками. Розали обмыла брата дочиста и с помощью Лайджа Магана уложила в тесной комнате на задах, где Теннисон спал. Я видела, как она приглаживает ему волосы бриолином, который нашелся у Джона Коула. Теннисон не мог сказать ни единого слова. У него силой отняли все слова. Розали все умоляла сказать, кто его так, но он только смотрел, как испуганный ребенок. Я увидела синяк – темный, как только что вспаханная борозда; он наливался еще страшнейшей темнотой там, где каким-то орудием ударили по черепу. Розали велела мне растолочь соцветия гиацинтов, которые она собрала и засушила прошлой весной; она всегда поила меня их настоем, когда у меня были лунные дни, а сейчас добавила их в воду, которой обмывала брата, и от него самую чуточку запахло весной. Розали хотела смыть с него чужую жестокость.

Теперь горевала Розали, а я варила ей бульон. Забота о Розали стала для меня маленьким талисманом. Человечью душу отчасти врачует чужая печаль. Я это открыла. Но это не слишком странно, ведь мир сравнительно с другими вещами вообще загадка.

Происшествие с братом потрясло Розали. Воскресило все ужасы прошлого, когда они оба не знали, отпустят их на свободу или навеки погрузят в рабство. Им суждено было отведать еще горшие истины, это уж точно.

Я происхожу из печальнейшей на свете истории. Я одна из последних, кто знает, что было отнято у меня и что было у меня до того, как его отняли. Такой груз печали сокрушил не одну голову. Видали вы пьяных индейцев, индейцев в лохмотьях? Вот что случается, когда король отягощен печалью. Но дело не только в этом. Мы думали, что мы – сокровища и чудеса. Мы знали, что это так. Иначе как бы мы были настолько счастливы детьми. Мир, что делался хорошим ради ребенка, – хороший мир. И дело не только в том, что его уничтожили. Дело в приказе, что отдавали так часто: «Убить их всех». Спросите Томаса Макналти, он его слышал много раз. И повиновался. И Джон Коул тоже. Дикий Старлинг Карлтон. Да и Лайдж Маган. Все равно – девочку, мать, младенца.

Одно лишь касание белого человека, одно его приближение предвещало смерть.

Для нас жизнь каждого из нас была великим сокровищем. Но белые люди оценили нас в другую цену. Мы были ничем, а значит, убить нас означало убить ничто и ничего не значило. Убить индейца – не преступление, ведь индеец – это ничего особенного.

Я это знаю. И потому записываю.

Теннисон Бугеро был теперь до какой-то степени гражданином, поэтому, может быть, его избить – все-таки преступление. Разве не за это шла война? Казалось, что да. Поэт Максуини велел Томасу Макналти и Джону Коулу идти воевать именно за это. А может, Томас просто посмотрел на поэта Максуини и понял, какая это замечательная душа. То есть он тоже король и тоже порядком бедствовал, но у такого человека золотой свет вокруг головы. Поэт Максуини,

он был как эти картинки с Иисусом, на которых золотой обруч сверху. Томас и Джон Коул долго не возвращались, а мне нужно было быть с ними. Я тогда еще не излечилась от жизни – может, и по сию пору не излечилась. Но тогда еще точно нет. Но поэт Максуини, с узким темным лицом и глазами как речные камушки, он сподвигся ради меня, и учил меня наукам, и ругал меня, и делал всю материнскую работу.

Отчего это мне так везет на мужчин, добрых, как женщины? Я считаю, только женщины умеют жить, а мужчины по большей части слишком торопливы, вечно на полувзводе. Полувзведенное ружье стреляет куда попало. Но в моих мужчинах я нашла яростную женственность жизни. Какое сокровище. Какая огромная гора настоящих богатств.

А теперь – несмотря на то что Теннисон Бугеро прикован к постели, а может, как раз поэтому – они ушли боронить землю, которая как раз начала отмякать по весне. Мулов покормили, чтобы подкрепить, привязали к ним старую черную борону и взрыхляли чернозем, акр за акром. Мул – счастливая душа, когда у него полный живот овса. У сытого мула такой довольный вид, что думаешь – он вот-вот засмеется.

Конечно, теперь из нас никто не мог сунуться в город за провизией, кроме Лайджа. Хорошо, что в Парисе пять бакалейных лавок. Так что мистер Хикс лишился клиента в нашем лице.

– Только бы мне не попался этот ссыкун Джас Джонски, – сказал Лайдж.

– Потому как ты можешь его и убить, – тихо отозвался Джон Коул.

Я только вышла на крыльцо забрать кое-какое нижнее белье, что сушила для Розали, и вдруг заметила по ту сторону поля, заросшего сорняками, коня и всадника. Меня пронзила тревога. Не только Розали и Теннисон теперь подпрыгивали от малейшего шороха. Мне казалось, мы утки, сидящие в ожидании выстрела, – если такие утки вообще бывают.

Кто бы это ни ехал, он был не один. За ним еще горстка людей бултыхалась в седлах. Мои собственные мужчины были за два поля отсюда к северу. Если залезть на крышу, я их увижу, крохотные фигурки черных мулов и черные силуэты людей, мелкие, как мучные черви. Ружье Теннисона всегда стояло в гостиной. Помимо того, что оно было красивое, кто-то вытравил на клине затвора имя «ЛЮТЕР». Загадочная надпись, особая примета. Я взяла ружье и снова заняла позицию на крыльце, с союзником в лице «спенсера». Я отлично умела стрелять из винтовки, хоть она и великовата для девочки.

Оказалось, впереди едет шериф Флинн. Я не знала, хорошо это или плохо. Я не была с ним близко знакома. Иногда встречала его в городе – он проходил мимо, топая сапогами по дощатому тротуару. Сейчас его сопровождали трое. Потрепанные на вид. Он ехал впереди – запросто, как ни в чем не бывало. Он не особо спешил ко мне приближаться. Будто вообще никуда не торопился.

Наконец он подъехал. Он верхом, и я на крыльце, мы были на одном уровне.

– Милочка, сходи-ка приведи Илайджу, – сказал он.

Я впервые слышала, как Лайджа называют полным именем. А меня сроду никто не звал милочкой. Шериф будто не заметил мою винтовку. Я держала ее под углом в левой руке, но шериф словно и не видел. Я была даже не уверена, что винтовка заряжена. Я подумала, что, может, и нет, потому что, ну, я не знала. Я знала, что эти парни меня пристрелят запросто, как зайца на меже. Раз, и все. Я почувствовала, как у меня потекло по ногам под юбкой. Я не хотела, чтобы кто-нибудь это видел. Мое тело боялось, но сердце храбрилось. Мне придал храбрости гнев за Теннисона, и я подумала, что его ружье – сильное снадобье. Теннисон гордился, что владеет этим ружьем, и даже то, что я просто держала его в руках, ободрило меня.

Я ничего не ответила шерифу Флинну. Потому что не знала, лучше говорить или молчать.

Шериф Флинн был обветренный и смуглый. Но щеки вокруг усов чисто выбриты. Ему было на вид лет сорок, и я подумала, что женщины в городе, наверно, считают его красавцем.

Помощники его были весьма обтрепанны. Одного из них я узнала – теперь, вблизи. Фрэнк Паркман. Закадычный дружок Джаса Джонски.

Я сама удивлялась, как это стою и думаю про все такое и не отвечаю шерифу Флинну.

Шериф Флинн спешился, поднялся по ступенькам на крыльцо и, оказавшись рядом со мной, поднял правую руку. Теперь я думаю, что он хотел пожать мою. Это было так неожиданно, что мне показалось – он хочет меня ударить, и я отшатнулась, споткнулась о винтовку и плюхнулась. Тут же вскочила. Медведю или койоту показывай, что ты его не боишься. Для стрельбы у шерифа был блестящий, начищенный пистолет за поясом, и это значило, что он, как выразился бы Томас Макналти, *kittoge*, левша.

– Илайджа тут? – спросил шериф Флинн.

– Она думает, что ее сейчас вздуют, – со смехом сказал Фрэнк Паркман.

– Заткни свое поганое хайло, Паркман, – сказал шериф Флинн. – Или я тебя самого вздую, болван ты этакий.

Но он не стал продолжать. Тут из-за угла как раз вышли Томас Макналти и Джон Коул, а с другой стороны дома – Лайдж Маган. Все трое были в черной земле, поскольку боронили. На ногах у них были сапоги из черной земли – не настоящие, конечно. Мужчины возвращались домой ужинать после долгих-долгих часов работы.

– Здорово, Илайджа, – сказал шериф Флинн.

– Даров, – ответил Лайдж Маган.

Шериф облокотился на перила крыльца и расслабился. Это был сигнал его людям, чтобы они тоже расслабились. Фрэнк Паркман спешился, прицепил поводья себе на локоть и принялся набивать табаком глиняную трубочку, вынутую из кармана. Я не знала, что думали Томас и Джон Коул, но они решили дать отдых ногам и сели в старые кресла на веранде, а сам Лайдж Маган занял позицию вроде часового у темного входа в дом. Он быстренько захлопнул входную дверь свободной рукой, не глядя.

– Что, в этом году опять табак будешь сажать? – спросил шериф Флинн, даже не спросил, а констатировал. И кивнул на черную землю, пометившую пахарей.

– А то, – сказал Лайдж.

– Ты посадишь, я покурю, – сказал Фрэнк Паркман, пыхтя трубкой.

– На свеклу нынче спросу нету, – сказал Лайдж. – Я думал, может, кукурузы немножко посадить. Может, выручу центов сорок за бушель. Бог знает, выйдет ли. У меня или у кого другого.

Шериф долго молчал, а Фрэнк Паркман стоял с полуулыбочкой, посасывая трубку.

У меня так и чесались руки подобрать винтовку.

– Это ведь ты тогда отсидел в Ливенуорте, – заметил шериф Флинн, глядя на Томаса Макналти с изрядной долей дружелюбия, словно такой вопрос был в порядке вещей. Словно шериф знал про Томаса что-то совсем обычное, как дождь, и просто произнес это вслух. Томас Макналти, видно, решил, что самый удачный ответ на такой вопрос – молчание.

– Его выпустили с документом и все такое, – сказал Джон Коул.

– А я что, я ничего, – ответил шериф Флинн.

Фрэнк Паркман заржал, и оттого у него из трубки полезли пузыри слюны.

– Вы, небось, удивитесь, когда я скажу, что приехал вам помочь, – сказал шериф Флинн. – Вы, небось, удивитесь, когда я скажу, что ко мне приходил законник Бриско. Вы, небось, удивитесь, когда я скажу, что миссис Флинн-старшая ходила в школу с Розали Бугеро и вспоминает ее с нежностью.

– Сильно удивимся, – ответил Джон Коул.

– Я так и думал, – продолжал шериф. – Я хочу выяснить, кто обидел Теннисона Бугеро и кто обидел Винону Коул. И потому я сюда приехал за семь миль под жарким солнцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.